

ТАТЬЯНА ЛЕВАНОВА

СКВОЗНЯКИ

ТКАЧИ
ЗАКЛИНАНИЙ

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Л34

Серия «Сквозняки между мирами»

Разработка серийного оформления
Марины Акининой

Л34 Леванова, Татьяна Сергеевна
Сквозняки. Ткачи Заклинаний / Татьяна Леванова. —
Москва: Издательство АСТ, 2017. — 414, [1] с. — (Сквоз-
няки между мирами).

ISBN 978-5-17-104916-4

Новая книга легендарной серии Татьяны Левановой!

Маша Некрасова — Сквозняк — странница, легко про-
ходящая сквозь ткань миров.

Конечно, ни родителям, ни одноклассникам она не го-
ворила, что верит в существование драконов и волшебни-
ков, оборотней и привидений, людей-растений и тигровых
ежиков, — и не просто верит, а даже видела собственными
глазами. Кто поверит в сказки? Кто поверит в сны?

В этот раз она оказалась в мире разумных ветров, где
скалы как ажурные замки, где живут перелетные ежики на
сверкающих паутинках, где деревья ниже травы, а люди,
чтобы передвигаться, используют паруса...

Воздушный странник Аэрон доставляет Машу в Ка-
менное Сердце, город на семи ветрах, где она попадает к
странному ученому Штилю, которого очень заинтересовал
свисток, подаренный девочке Аэроном. Копаюсь в старых
рукописях, Маша впервые узнает о Ткачах Заклинаний — се-
кретной организации, с которой связана ее новая миссия...

© Татьяна Леванова, 2017

© Марина Акинина, рисунок на обложке, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Глава 1

Тучи бездомные...

Пещера была мала для старого дракона. Жесткая чешуя скрежетала о каменные стены. С шумом, шурша о неровные своды и с треском ломая сталактиты, распахивались перепончатые крылья. Досадуя на тесноту, древний ящер бил хвостом, и тогда огромные камни откалывались от скал и с гулким грохотом катились по бесконечным туннелям и переходам куда-то вглубь, к самому сердцу планеты. Дракон многое повидал на своем жизненном пути, но теперь все воспоминания отступили перед ноющей болью старых ран. Ему некого было стесняться — с новым приливом страдания он ревел во всю глотку, а потом тихо плакал, тяжело вздыхая от облегчения, когда приступ проходил, и слезы его шипели на тяжелых лапах, придавая блеск изогнутым черным когтям...

Маша вздохнула и опустила голову, прижалась лбом к открытой тетради, лежащей на столе. Ей необходимо было написать всего полстраницы, буквально два-три предложения, но она как обычно замечталась, прислушиваясь к ветру, который плакал и грохотал по крыше, словно безумный ударник неведомой рок-группы. Под эти

звук дракон встал перед глазами, как живой. Хотя Маша никогда не видела драконов, она точно знала: где-то они существуют. У нее было доказательство — броня из драконьей стали, которую она получила в Как-о-Думе. Сталь, конечно, была самая обычная, но ее когда-то плавил в огне настоящего дракона.

Конечно же, Маша никому не говорила, что верит в существование драконов, а также волшебников, трехротовых слонов, оборотней, привидений, людей-растений, тигровых ежей, и не просто верит, а даже видела собственными глазами. Что толку объяснять и доказывать, если в родном мире для друзей и близких весь ее опыт значит не больше чем сновидение?

В принципе, до последнего времени это не очень беспокоило Машу. После первого путешествия ей очень сильно хотелось кому-то рассказать о своих приключениях и даже показать, как-то соединить необычное с давно знакомым, пережитое в других мирах с опытом в родном мире. Но потом она постепенно привыкла, что есть дом, привычный с детства мир, где сравнительно безопасно, где надежная крыша над головой и нормальная жизнь, родные и друзья, учеба и планы на будущее. А есть другие миры, куда она может угодить без всякой подготовки и без особого желания, потому что она Сквозняк — сквозь ткань миров проходящий странник. Ее так и будет мотать по другим мирам, в которых требуется ее помощь — то есть свежий взгляд со стороны, пока она не найдет своего места в родном мире, не определится со своей судьбой. Вот именно — пока не найдет...

Уже почти два года Маша знает, что она Сквозняк. Она была уже в шести мирах, но до сих пор всерьез не задумывалась о своем предназначении в родном, словно так будет всегда. Дом, школа, мама с папой, друзья и приключения в других мирах, уместающихся в минуту времени ее родного мира, не оставляющие после себя ничего, кроме воспоминаний. Не задумывалась до этой недели. Началось все просто — с очередного сочинения на тему «Кем быть».

Маша с детства привыкла отвечать на этот вопрос, почти не задумываясь. «Детским врачом, как папа», — шепелявила она еще малышкой, и взрослые умилялись, гладили ее по голове, говоря, мол, хорошая профессия, нужная. С годами мало что менялось, минутные мечты стать космонавтом или актрисой появлялись и исчезали, и Маша снова отвечала, что будет педиатром. Врачом так врачом, соглашались взрослые, будет династия. И вдруг преподаватель русского языка, проверив сочинение, усомнилась в Машиней искренности. После уроков она отозвала девочку и сказала, что в жизни не видела ее ни рядом с малышами, ни с бинтом в руках. Биология и химия — несомненно, нужные предметы для будущего врача — были у девочки также не в чести. Маша предпочитала географию, историю и литературу.

— В начальной школе я лечила всех, кто не успевал удрать, — попыталась пошутить Маша, но ей было совсем не весело. — Но с тех пор я повзрослела и больше не отношусь к профессии врача, как к игре.

— Ты хорошо описала профессию педиатра, — Любовь Григорьевна постучала указательным пальцем по

тетради,— пятерка за сочинение, разумеется, пойдет в журнал. Но мне бы хотелось знать, чем ты хочешь заниматься на самом деле? Попробуй подумать и дописать несколько строк о себе.

В тот же день Маша поговорила с одноклассниками и узнала, что такой разговор с учительницей был у каждого, и каждому было велено после готового сочинения, написанного в классе, дописать еще две-три строчки о том, что действительно нравится. Озадаченные ребята решили задать вопрос прямо на уроке.

— Любовь Григорьевна, неужели вам не понравилось ни одно наше сочинение? Вы многим поставили хорошие оценки. Зачем нужно что-то еще писать?

— В этом сочинении я хотела проверить не только вашу грамотность и умение излагать свою точку зрения,— ответила учительница.— Я надеялась увидеть, что у вас у каждого есть мечта.

— Какое отношение имеет мечта к сочинению «Кем быть»? — удивилась Света Новоруссова.— Если я мечтаю быть «звездой», то ведь это же не профессия, так о чем мне писать?

— Звезда — это, конечно, не профессия,— усмехнулась Любовь Григорьевна.— Это, скорее, известность, но можно сказать, что в какой-то мере это и уровень успеха. А профессия, которая приведет тебя к статусу «звезды», может быть любая — актриса, певица, балерина. Звездой может быть даже ученый, журналист или политик. Видите ли, ребята, мне просто хотелось удостовериться, что вы действительно выбираете свою дорогу. Конфуций говорил: «Если ты выберешь дело себе по душе, тебе никогда

ТКАЧИ ЗАКЛИНАНИЙ

в жизни не придется работать». Это значит, что ваша будущая профессия должна быть вашим любимым делом, и вы будете заниматься им с удовольствием. Вот что я имела в виду, говоря о том, что хочу, чтобы у каждого из вас была мечта.

— Жаль, что нет такой работы — играть в компьютерные игры, — пошутил Костик. — Просто моя мечта!

— Но ты же можешь стать разработчиком компьютерных игр, — тут же нашлась учительница.

— Скорее, русским ПьюДиПаем, — рассмеялись друзья.

Ребятам дали задание — в выходные серьезно подумать о том, чем им больше всего нравится заниматься, и написать об этом две-три строчки в конце своих сочинений. Многие даже не особенно расстроились из-за дополнительного задания на выходные. Света тут же написала черновик о своей мечте — петь, танцевать, сниматься в клипах. Костя заявил, что у него есть идея для такой компьютерной игры, какой еще никогда не было, и в выходные он поищет в интернете, как пишутся сценарии. А Лена Новикова вспомнила, что ей всегда нравились цифры. Больше всего на свете она любила считать, и поэтому сделала приписку к своему сочинению, что вместо того, чтобы быть учительницей математики, она бы лучше получила образование экономиста...

А вот Маше было хуже всех. Слова учительницы о том, что не похоже, будто ей действительно нравится профессия детского врача, прозвучали как гром среди ясного неба. Девочке очень не хотелось расстраивать таким известием папу, но она должна была посоветоваться с роди-

телями, ведь с учительницей и с друзьями она уже поговорила, а ответа на главный вопрос все еще не было.

— Как это — не знаешь, чем ты любишь заниматься? — удивилась мама. — Разве ты ничего не делаешь, ничего не умеешь?

— Ну почему, — задумалась Маша. — Я много что люблю. Я занималась танцами, гитарой, немножко умею готовить, делать маникюр, вы с папой учили меня, как лечиться волшебными, ой, я хотела сказать, лечебными травами, это тоже очень интересно, по крайней мере, интересней химии. Смогу найти еду и воду, если что случится, например в лесу, развести костер, добыть воду в пустыне из почвы... — девочка вовремя прикусила язык, сообразив, что не стоит пересказывать родителям содержимое учебников для Сквозняков из Академии Сквозного пути в Как-о-Думе.

— То есть ты будешь либо танцовщицей, либо гитаристкой, либо поваром, либо мастером маникюра, либо... Даже не знаю, как это называется — бабкой-травницей? — пошутил папа. — На самом деле я не вижу ничего тут страшного. Ты же с рождения наблюдаешь за моей работой, так сказать, изнутри. У Людмилы Григорьевны другой опыт, о медицине она судит с позиции пациента. Если бы я взялся рассуждать о педагогике и методике преподавания русского языка, Любовь Григорьевна тоже отнеслась бы ко мне в лучшем случае снисходительно. Хотя, если раньше ты действительно говорила, что хочешь стать врачом только потому, что по-детски подражала мне, это сочинение — хороший повод задуматься, чего ты на самом деле хочешь.

Маша окончательно запуталась и решила подумать обо всем на досуге, то есть в субботу, когда она останется дома одна. Папа ушел на дежурство в поликлинику, мама отправилась к бабушке в гости, а девочка достала тетрадь с сочинением, положила перед собой на стол и честно попыталась подумать о своей судьбе. Но потом она услышала рев дракона и лишь спустя полминуты поняла, что это всего лишь шум ветра. Маша ведь даже не удивилась, подумав о том, что дракон может жить в пещере неподалеку — она и не к такому привыкла. С кем это еще могло произойти? Ветер сыграл шутку с ее воображением, случайно напомнив, кто она на самом деле. О том, что она Сквозняк.

— Я однажды кому-то сказала в другом мире, что у меня уже есть работа, — вспомнила девочка. — Я Сквозняк, я исследую другие миры, наблюдаю, изучаю, думаю, нахожу что-то неправильное. И вполне в этом преуспела, по крайней мере, шести мирам точно помогла. Но ведь я не делала чего-то сложного, чего-то, чему надо специально учиться, — я не сражалась, не строила, не изготовляла, не лечила. Я просто выживала, пряталась, наблюдала, находила что-то неправильное или плохое и старалась это исправить. И, кроме того, у меня ведь не было выбора. Вот именно — у меня никогда не было выбора! Что-то выхватывало меня прямо из комнаты, закидывало черт знает куда и ждало, пока я не додумаюсь, что можно предпринять! Разве это профессия? Разве это мечта? Разве к этому можно стремиться?

Просто чтобы напомнить себе, что значит быть Сквозняком, Маша достала свои волшебные предметы: броню, перешитую Кристиной в жилет и перчатки, кристалл

СКВОЗНЯКИ

кварца на черном шнурке, который помогает Сквозняку сохранять энергию, крохотную шапочку колокольцев с синим фонариком, который всегда указывает верное направление, складное зеркало с расческой — так называемое «второе лицо» для всех миров. Потом надела черные джинсы, белый свитер, сверху застегнула броню, сунула руки в перчатки, собрала по карманам остальные вещи. Подумав, добавила «дары» — пучок разноцветных ленточек, оставшихся с прошлого урока труда, потому что в доме случайно не оказалось леденцов или еще чего-нибудь в этом роде. «Дарами» назвали в Академии Сквозного пути леденцы, которыми Маша угощала местных жителей в своем первом путешествии. Как потом прочитала девочка в одном из учебников в Как-о-Думе, «дарами» называли предметы, которыми юные странники пользовались, чтобы дарить или меняться в других мирах ради самоопределения и выживания. Частый, но не обязательный предмет для путешествия между мирами. Яркие новые ленточки вполне годились для маленького подарка, как леденцы для хранителей стихий или бусы для туземцев.

Дополняло наряд кольцо из птичьего камня, подарок Андрея Шамана. Впрочем, Маша и так его никогда не снимала, это была единственная связь с дорогим человеком. Коротки были их беседы, кольцо сильно раскалялось от обмена даже парой слов между мирами. После каждой встречи Маше казалось, что она скучает по Андрею еще сильнее. Он так же сильно скучал по ней, Маша знала об этом точно, поэтому кольцо всегда оставалось теплым, словно живое.

— Моя личная униформа! — усмехнулась девочка, глядя на себя в зеркало. — Да, я настоящий Сквозняк. Это то, что я умею делать. Мне это нравится, хотя меня никто и не спрашивал, хочу ли я им стать. Но это не может быть моей профессией. Скоро я все равно повзрослею и найду свое место в жизни, я больше не буду Сквозняком. И тогда всю свою жизнь мне придется чем-то заниматься, желательно не очень скучным. Но вот чем? И почему мне кажется, что когда этот день наступит, это будет буквально конец всему, словно никакой жизни у меня больше не будет?

Новый порыв ветра заставил окна задрожать. Он взревел, как разбуженное чудовище. Маша подошла к окну, но стекла запотели, и почти ничего не было видно. Тогда девочка надела ботинки, чтобы не замерзнуть на балконе, накинула мамин халат, висевший на спинке стула, — он был толстым и мягким — и шагнула за стеклянную дверь. Ей хотелось посмотреть, насколько сильный поднялся ветер, и заодно слегка проветрить разгоряченную размышлениями голову. На улице творилось нечто совершенно фантастическое. Ветер выворачивал наизнанку тополя, гремел шифером на крыше, гнул антенны и играл на проводах, как на гитарных струнах. Но интереснее всего смотрелись облака. Маша в жизни не видела, чтобы из них получались такие невероятные каскады и горы — многоцветные, многоуровневые, густые и кудрявые, легкие и перистые вперемешку, словно исполинский парикмахер соорудил искусную прическу на напудренном парике придворной дамы...

— Стать бы ветром, улететь прочь, — бездумно проворкотала Маша, протянув руки к облакам, словно

пытаясь их потрогать. И так же бездумно принялась читать стихотворение Лермонтова, твердо вызубренное года два назад: — Тучки небесные, вечные странники! // Степью лазурною, цепью жемчужною // Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

Внезапно сзади нее кто-то сильно стукнул в балконную дверь. Девочка подскочила от неожиданности — ведь дома никого, кроме нее, не было — и обернулась. Балкон пропал. Машу окружали снег, холод и облака. Белые вершины гор простирались вдоль горизонта. Сама же она стояла, похоже, на такой же горе, на самой верхушке которой была круглая площадка с аккуратным бордюром, над которой явно кто-то потрудились. Площадку заносил снег, но отчего-то все сугробы на глазах девочки, едва появившись, внезапно сами собой рассыпались и улетали...

Маша ощутила облегчение и вместе с тем досаду. Она переместилась между мирами. Внезапно, как обычно. И первые минуты, как всегда, были самыми мучительными: ни дома, ни друзей, ни денег, ни еды — и если порой ей везло хотя бы на погоду, то точно не сегодня. Трудно найти дом, еду и друзей, стоя на заснеженной вершине горы, еще труднее исследовать новый мир в таких условиях. Девочка почувствовала, что замерзает не на шутку, засунула руки в рукава и надела на голову капюшон от халата. Это мало помогло. А ведь в последнем путешествии она понадеялась, что это было в последний раз, шутка ли, шесть миров позади. Единственный мир, в который она надеялась переместиться в будущем, был тот, где остались Рогонда, Ночные Птицы и Андрей...

— Красивый стишок, мне понравился. Это про воздушных странников? — вдруг спросил девочку кто-то. Это был мужской голос, глубокий и немного гулкий почему-то, словно говорящий держал около губ стеклянную банку.

— Это же Лермонтов, — замерзшие губы не слушались девочку. — Это про тучи.

— Странно, больше нам подходит, воздушным странникам. Степью лазурною мчитесь вы, будто как я же, изгнанники...

— Каким воздушным странникам? — Маша вертела головой, пытаясь понять, откуда раздается голос.

— Посмотри сюда! — раздалось над ее правым ухом. — Всем воздушным странникам, и мне в том числе. Сыновьям ветра, семерым ветрам, небесным бродягам, беспечным скульпторам, как нас ни назови — мы воздушные странники.

Маша обернулась и подняла глаза. В воздухе висел полупрозрачный человек. Вернее, он был не совсем полупрозрачным. Его голова была словно отлита из стекла, но ниже под стеклом был будто морозный узор, только этот узор все время двигался и переливался. Крохотные спиральки, дымчатые облака и клубящиеся тучи были у него под кожей. Он висел вниз головой, скрестив руки на груди, лицом к лицу с ней, и поэтому Маша не сразу заметила, что ног у него вовсе нет. Их заменял странный вихрь, похожий на дымок костра или зимнюю поземку, белесый и крутящийся по спирали. Хвост, как у летучего змея.

— Я Аэрон, а тебя как зовут? — улыбнулся прозрачный. — Где твой Покоритель Воздуха? Как ты тут оказалась?

— Меня зовут Маша, я Сквозняк,— пробормотала девочка, потрясенно разглядывая нового знакомого.

— Сквозняк? — обрадовался Аэрон.— Это такой маленький ветерок внутри комнаты? Значит, ты моя младшая сестренка! Теперь понятно, как ты оказалась тут без Покорителя Воздуха, ты, видимо, только что родилась!

— Только что родилась? С чего вы взяли? Вообще мне тринадцать лет,— призналась девочка.— Но я действительно не могу сказать, как я тут оказалась.

Аэрон уже не слушал ее, играя и кувыркаясь в воздухе, он облетал площадку и смахивал снег хвостом.

— Мне бы спуститься,— робко произнесла девочка, губы замерзали все сильнее.— Как тут можно спуститься?

— Без Покорителя Воздуха — никак,— рассеянно отозвался Аэрон.— Но если ты Сквозняк, просто лети домой.

— Как это, я не могу... Я же разобьюсь. Помогите мне!

— Ах да, Сквозняк— это же ветерок внутри дома, а тут нет ни стен, ни потолка,— Аэрон хлопнул себя по лбу.— Ну ладно, если ты моя младшая сестренка, я тебя отнесу, и, кстати, ты должна обращаться ко мне на ты, раз уж мы родственники. Только скажи куда, просто вниз или куда-то еще?

Он подлетел к ней поближе и опустил так низко, что спокойно обвил ее руками за плечи. Маша ничего не почувствовала, кроме тепла, словно подул летний ветерок. Его лицо оказалось вровень с ее лицом. Аэрон приподнял стеклянную бровь и предложил:

ТКАЧИ ЗАКЛИНАНИЙ

— А может быть, летаем вместе? Я покажу тебе горы и долины, реки и дороги, перелетных ежей и поля укуси-ветер, города, выточенные из камня, и каменные статуи, созданные моими братьями...

— Города — это то, что нужно, — согласилась девочка.

Продолжая обнимать ее прозрачными руками, Аэрон ринулся вниз со скалы, и девочка завизжала, глядя на то, как быстро приближается земля.

